

Дмитрий РАДИОНЧИК

КРИК ОСТАЁТСЯ ЖИТЬ...

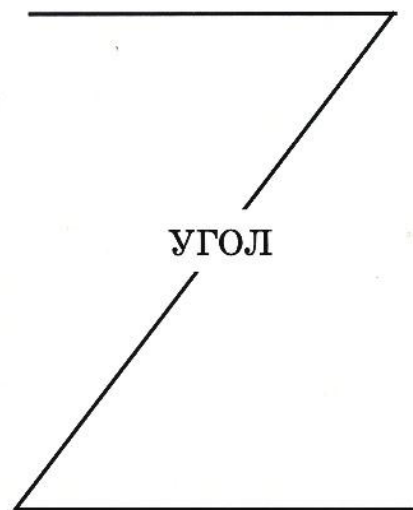
О книге стихов гродненского поэта Александра Слащёва «Угол»

Есть книги, из-за которых никогда больше не будешь прежним. Есть книги, после прочтения которых, как после некоего катаклизма либо драматической встряски, меняется внутренний мир читателя. Как будто внутри вас в процессе вполне мирного занятия — чтения ни с того, ни с сего, вдруг взрывается граната РГД-5... Но вместо разрушения — о чудо! — вершится созидание. Таких книг немного. Они случаются крайне редко. Такие книги нужны человечеству. Мы с вами нуждаемся в них. Откуда такая уверенность? Души современников, увязшие в повседневной сутолоке, запутавшиеся в социальных сетях так, что не мыслят без них собственной свободы, нуждаются в хорошей встряске. Закалка духа, (вкуса, интеллекта) наедине с собственным «я» есть кратчайший путь к совершенству человеческой природы. Так сказать, духовная броня. И даже возможное непонимание выглядит при этом препятствием естественным и порой неизбежным. Оказать помощь в его преодолении, как выяснилось, в состоянии тончайшая натура поэта. Замрите. Оставайтесь неподвижными. Поэт сам протянет руку, приблизится к вам, чтобы приподнять занавес над построенным собственноручно миром. Внимайте и подчиняйтесь ему. Даже, если вас страшит неизвестность, иного пути к истине нет. Как нет поблизости и самой истины...

Мы рождаемся: голыми,
горластыми, непокорными.
Мы, как свет, который
сломя голову,
летит во все стороны,
мечтаем объять необъятное,
но учимся лишь:
зарабатывать,
начальству нравиться, женщине...
Между нами и Миром — трещина!

Открывается сборник серией миниатюр. Титульное стихотворение «Угол» вовсе не проливает свет на смысл названия для книги. Как раз наоборот, это стихотворение вводит меня в ещё более глубокий ступор. В нём есть, как субъективно показалось мне, неисклюшённому, даже слабенькие строчки. И это обстоятельство ставит книгу

Когда на глазах моих слёзы, я вижу, как плачут звёзды, преображая сумрак в думу, в некую сумму мыслей из захохотья... Я хочу их наполнить чувством любви. Только так и нужно идти к Богу, потом, когда оборвётся дорога, погаснет звезда, вспыхнет другая... Встретит мама ругая, отец молча. И прошлого огонёчек станет меньше, чем эта —

Александр Слащёв

«Угол» в один ряд со всеми подобными, поскольку является совершенно естественным для любой книги. Если можно так выразиться, возвращает нас на грешную землю. Попытаюсь раскрыть идейное содержание сборника, его концептуальную природу. Итак, «Угол». Косвенных и тем паче прямых отсылок, как к геометрии, так и к архитектуре в одноимённом тексте нет. Угол является незначительной бытописательской деталью: «Любить, забившись в угол.» Да, именно так — в конце точка... Остаётся одно — в поисках разъяснений обратиться к аннотации. По поводу быта в ней сказано следующее: «Стихи наполнены теми жизненными, зачастую бытовыми реалиями, которые принято считать непреходящими, то есть вечными». Что это за реалии? Что это может значить с точки зрения интерпретации художественной литературы? Испокон веков люди забивались в угол сами и ставили туда же провинившихся детей. Чтобы назвать книгу подобным образом, возможно, её автору, а лирическому герою — подавно, надо было обзавестись опытом пребывания, ощутить себя и в той и в другой позиции — забившегося туда одержимого страстями и переполняемого чувствами взрослого и поставленного в угол нашкодившего сорванца. Если и успел нашкодить А.Слащёв в литературе и языке, то и по этому поводу аннотация предупредительно сообщает, что «Тексты воспроизводятся с сохранением особенностей авторского написания и пунктуации». Авторские написание и пунктуация — дело понятное. У нас нынче хватает желающих позубоскалить по этому поводу. Не стану пополнять сию непримиримую армию. Меня интересует другое: как можно так писать здесь и сейчас?

Птиц угол:
направление —
юг.
Отсутствие звука.
Ломается
сук
яблони старой.
Яблоко
 шары
 катятся
 ярко
 в наши
 дворы.

(«Геометрия осени»)

Вряд ли переезд из Забайкалья в Беларусь стал для А.Слащёва потрясением или метаморфозой. Скорее всего, этот человек из тех, кто остаётся самим собой, независимо от географии или среды обитания. И судя по книге, большой оригинал... Однако, не раз помяная книгу, не стану отрываться от чтения, от волнительной и такой органичной роли её читателя. Наше время предъявляет литературе, поэзии всё новые требования. Хотя новизна этих требований сомнительна, парадоксальна и многим из нас до боли знакома: литература должна быть интересной; поэзия должна быть интересной и красивой. Нередко в процессе чтения незаслуженно обделяется вниманием образ автора, его ипостась. А какие требования перед автором ставит сегодня жизнь? Нет-нет да и рождается мысль, что быть оригиналом сейчас весьма и весьма нетрудно. Для этого всего лишь надо оставаться самим собой. А ведь зачастую именно это представляет серьёзную проблему...

Хорошо преклонять колени
перед собственным: «Ля-ля-ля...»
и ходить непризнанным гением
по планете Земля.

Книга Александра Слащёва произвела эффект неожиданного прозрения и заставила меня вспомнить о Боге. О наивном и добром, любящем нас Боге, живущем в его стихах. И ещё о другом Боге. А именно о Любви. Нет, это поэзия вполне светская, но, тем не менее, одухотворяет не хуже литургии. «Снова всё тот же сон... // Пожалуйста, объясни, // как отпускает «он» // одну тебя в мои сны?» Это книга выглядит небесным мостом между двумя созвездиями – созвездием Слова и созвездием Жизни, тем не менее, оставаясь вполне приземлённой. Эти стихи – письма человека к себе, разговор на кухне с целым миром, послания из времени в пространство, трогательные и страстные, кроткие и неистовые, оставляют чувство сожаления. Жаль, что их не было раньше. То есть они были, но не для меня. И вдруг замечаешь, что об этих стихах хочется вспоминать каждый вечер... И каждый день к ним возвращаться. Сначала каждый... Потом хочется о них рассказать.

Беги от дев и дураков,
живи в глухой тиши.
Свежи
руины облаков,
свежи
и хороши.

Я мог бы ухватиться за теорию стиха и пропеть осанну диковинной слащёвской ритмике, его своенравной строфе, утончённому заигрыванию со слабой долей, его рифмам, порой бьющим не в бровь, а в глаз, его языку, то высокому, патетичному, то вдруг скатывающемуся до сочных дворовых просторечий... И сколько угодно можно проецировать творчество А. Слащёва в контексте мировых эстетических литературных течений; препарировать эту книгу под микроскопом филологических познаний, но к полному её пониманию всё это вряд ли приблизит.

И как же всё-таки далеко может завести человека побег от дураков!..

Призрак угла, его нечёткие очертания постоянно преследуют читателя поэтического сборника А. Слащёва. В процессе погружения в тексты стихов начинаешь понимать, что символика, экзистенциальная графика угла у автора этой книги – как опознавательный знак для всех, повстречавшихся на пути. Но не на своих-чужих делит нас, читателей поэт. Мы все у него – просто «мы». И уходят в небытие, растворяются в этой новорожденной стихии на стыке быта, геометрии и архитектуры привычные, набившие оскомину формы, перестают действовать вечные законы физики. Читая стихи А. Слащёва, нам, читателям приходится думать. А эта ноша сегодня по силам, увы, далеко не всем.

О, этот угол... Обрядившись в маску примитивного зигзага, в виде целого полчища своих клонов он взирает на нас с обложки. Из этого угла раздаются всхлипы и шмыгания носом чьего-то ушедшего безвозвратно детства. В этом углу целуются парочки, целуют образа, говорят с Богом... Здесь чего-то напрасно ждут, что-то неумело прячут

и что-то неожиданно находят. Этот угол постепенно становится идиоматическим каткизмом под номером 5 для тех, кто пытается написать об этой книге и её авторе. Эволюция примирения с этой книгой, растворения в ней неотвратима. И глядишь, к странице эдак 34-й простой авторский замысел по части заглавия книги начинает наполняться совершенно искренним патриотическим смыслом:

Луч суётся в стога, вместо иглы,
в воду лезет и тут же под мост,
а на небе, в безумье, дробятся углы
с появлением звёзд,
там есть дом, который ты перерос,
а дожди помогли...
Ты ушёл, ты уехал за тысячи вёрст...
Звали: выси, вершины, высокий пост...
Что дороги тебе плели?
Нам не вырасти выше берёз.

(«Родина»)

Возникший смысловой оттенок разворачивает книгу в моих руках совсем другой стороной. И слово, вынесенное на обложку, вдруг отзывается в душе уже совсем по-иному. Смекаешь, что сказать о родине можно и так. И это тоже угол. Твой угол. Твоё место под солнцем, твой кусок праздничного пирога, отвоёванный у судьбы. И на того, кто затеял всю эту непростую, недетскую, но такую увлекательную забаву из метафор, анафор, эпифор, гипербол, оксюморонов и прочих инструментов поэзии, начинаешь взирать уже совсем под другим углом — углом зрения. «Погружается мир в молчанье. // Свет в окне. Закипает чайник...» Искренне желаю здоровья и долголетия их автору, — увы, так больше никто и никогда не напишет. Потому что чувствовать, видеть Бога поэту помогает сам Бог.

Среди звуков пустых,
От любви замирая,
кто-то просит: «Прости!..», —
вслед воде убегая.

Или вот строки на тему разлада с миром:

В мире, где все с мечами,
где деньги — поправка истин,
Талантливых так встречают:
пулями или свистом.

Александр Слащёв не вчера пришёл к слову. Он не год, и не два подбирался к его плоти, спешил проникнуться тем, что являет его дух. Слово стало его стихией, его делом, частью его самого, — это пишущий человек, журналист, профи. Кроме того он не только слышит литературный язык, но, как бы, сам его создаёт. Создаёт заново. Вопреки жестокой бородатой традиции, у истинных зодчих, как видно, не всегда выкалывали глаза...

Эта поэзия претенциозна, глубока и в то же время ясна и легковесна. Я бы сказал, ясна человеку образованному, который ещё успел впитать нечто ценное в прежнюю эпоху, до Всемирной паутины... А. Слащёв сумел хитроумно завербовать и подчинить своей воле весь потенциал русского литературного языка. Только ему, поэту, известно, какой ценой. Вне всякого сомнения, поэзия из книги «Угол» достойна быть замеченной современниками и почитаемой потомками. Это поэзия настоящего мастера. Зодчий слова, укротитель формы сооружает пространство своей изящно-словесной лаборатории из подручных средств – чувства меры, тонкого вкуса и богатейшего жизненного опыта.

Простыли
и пустынно
берега.
«Пусти меня,
пусти меня в века...» –
к кому-то обращается река,
бросая нам небрежное: «Пока...»

Первая мысль, посетившая меня в процессе чтения книги «Угол» — хочу туда, в тот сотканный из воспоминаний и грёз светлый мир поэта. Вероятно, там по утрам все собираются в большой, светлой комнате, за покрытым красивой скатертью круглым столом. Не исключено, что к обеду там пахнет луковым супом, мамиными духами и отцовской махоркой. А по вечерам под гигантским абажуром там все играют в лото... Но территория этого мира принадлежит только ему – поэту. Это заповедник, святыня, храм.

Угол: на этот раз все пути ведут сюда. Только внимательно, полегче на поворотах! Чтобы не расшибить лоб. Здесь, на скользких мраморных ступенях, что ведут в этот мир, куда, впрочем, дорога нам смертным заказана, вас может поджидать «3002-й инфаркт», «90-я жена», «экскурс в Ничто», «Ворон гордый, в бурке, как тот «Оглы» и другие образы-катаклизмы. Самоиронией выглядят редкие попытки поэта преподнести как откровение то, что читателю уже откуда-то знакомо. Если традиция не развивается, не обогащается новыми приёмами, а просто продолжает повторно эксплуатироваться, она даже у настоящего профи превращается в штамп. Например, заголовок «Колыбельная для взрослых»...

Мир пред нами предстал чередой кресел
Перед сном никто не поёт нам песен.
Мы, закрыв глаза, одну видим краску,
Потому что никто не расскажет сказку.

Какие уж тут сказки... Поэт требует от читателя прозрения. Хочется листать сборник, опасаясь приближения последней страницы. Хочется пить этот нектар из слова и чувства, противясь при этом утолению жажды. Хочется подолгу блуждать в пышных зарослях поэтических витийств, не прерываясь на их осмысление. Философия А. Слащёва, должно быть, знакома читателю с самого детства. Потому что эта серьёзная философия, будто исходит от доброго сказочника-идеалиста:

Ты говоришь, что ненавидишь...

Не говори! Ты любишь
мир, что вокруг себя ты видишь
и часто губишь,
мир, что к нам доброй сказкой
в окно влезает,
тот мир, который только лаской
и осязаем...

Представьте, что где-то в далёком советском детстве карусель, которую вы оседлали, раскрутившись, оторвалась от своей оси и упорхнула в век двадцать первый... Представили? То-то. Приземлившись, она не только подмяла под себя некоторые несбывшиеся надежды, но и создала им замену – стихи. Баллады, лирические и проникновенные, медитативные катрены, причудливые и сотрясающие сознание остроумные этюды. Неподготовленный читатель, не будучи пристёгнутым, кажется, уже падал с неё, срывался. Но в самый последний момент поэзия подставляла своё плечо. А. Слащёв пишет так, как будто его лирический герой покоряет пространство и время не менее дерзновенно, чем это делает образ самого автора, абстрактный и биографический. В некоторых плоскостях текста персоналии действующих фигур совпадают, рождают смысловое единство, тождество.

Мы – камни. Мы – тяжеленные.
Под нами мир не раскрашен.
Под нами лежит сожаление,
да слова, что уже не скажешь.

Вы приходите к нам с цветами.
Зазубрите от сих до сих:
«Уваженья достойны не камни,
а деревья, выросшие на них».

Со времён Осипа Мандельштама никто не смел так деликатно коснуться темы камня. Но в отличие от классика, творческий гений поэта из Гродно говорит о камне и с самим камнем на языке, предельно понятном им обоим. О вечном на языке непокорной природы поэт говорит и с нами, его потенциальными читателями. И чем выше наш с вами потенциал, не только как читателей этого сборника, но как честных граждан, христиан, верных мужчин, нежно любящих женщин, понимающих и уважающих друг друга родителей и детей, тем выше вероятность того, что мы хотя бы увидим конец скитаний, лирическую развязку. И камень вторит поэту, обратившись для этого в ночную окраину:

Грустно.
Тишина, как в зале, где ждут Карузо.
Неоднородна она
и полна
всякого мелкого мусора...

Книга Александра Слащева, нависая на самом видном месте над кучами этого самого мелкого мусора, перерастает в архитектуру из лирических коллизий. На месте разрушенных иллюзий возникает то, что от них осталось – «Угол». Нам не только нужно

становиться читателями этого сборника (надеюсь, его можно будет увидеть на прилавках и развалах, хотя «развал» — слово по энергетике ужасное). Для такого мастера, искусного творца словесных лирических построек «развал» есть антитеза его созидательной, жизнеутверждающей позиции. Ибо это поэт-интеллигент, интеллектуал, поэт-смелый экспериментатор. Книга, не смотря на свою философию быта, способна перекликаться с духом времени, с открытой на встречу душой читателя. Любой взявший в руки, книгу «Угол» Александра Васильевича Слащёва, подвергается деликатной проверке на духовную зрелость. Читать его — ещё полдела. Мы, сограждане, должны беречь этого поэта. Слишком много по его мирам, его лабиринтам шастает жутких мифических существ. Того и гляди вырвутся на свободу. Уповаем лишь на силу и волю автора — произвести их лирическое приручение. Слишком много рухляди накопилось в нас. А поэт своим острым словом преобразует её в духовную пищу для всех. Как для хищников, так и для их возможных жертв. Чтобы предотвратить эти жертвы.

Книга А. Слащёва выступает в роли преобразователя сумрака отчаяния в светлый миг надежды. Творческая мысль современного поэта доводит развитие стихотворной традиции до уровня зодчества. И меланхолия, и лира минорная свойственны эмоциональному климату сборника. «Мир и Солнце в раздоре. // Холода на земле. // Отпечаток ладони // на замёрзшем стекле...» Почти каждая строчка Слащёва — как спасительный тотем, как посох странника, задумавшегося о самом главном. Чтоб не подкосились ноги от бремени тяжких дум, поэт снабжает читателя страховкой. А кому она не нужна, посылает во след прощальный поцелуй.

Смерть — неразрывная нить,
ведущая к маме.
Нужно учить любить.
Ненавидеть учимся сами.

Что мы знаем о смерти? Выясняется, что и о жизни, и о любви не многим больше. Сравним же свои скудные познания с тем, что говорит нам поэт. Акцент на жизни и любви выглядит куда как предпочтительней... С просветительской точки зрения «Угол» Александра Слащёва — как раз та недостающая деталь в картине мира каждого из нас, из-за отсутствия которой вся громоздкая конструкция может с треском рухнуть. Рухнувшая картина мира, разумеется, подомнёт под себя соседние строения, и поэт, предвидя это, галантно, как будто подавая руку при выходе из вагона только что потерпевшего крушение поезда, уберегает нас от свалки.

Я хочу, чтобы Родину не словами любили,
чтоб старушкам всегда уступали место,
чтоб влюблённым (как знак) выдавали крылья,
видя это все пели бы: «Тили-тесто...»,
чтобы Мир не забыл, ни Бориса, ни Глеба,
чтобы девушки стали чуть-чуть мудрее,
чтобы вдоволь было не только хлеба,
да и грели бы нас не одни батареи,
чтоб свободу никто не делил на части,
чтобы сказки читались про «жили-были...»,
чтоб поэты умели писать о счастье,
а не только о том, что они пропили.

Опять поэзия приходит на помощь читателю, который очутился на минном поле из разложенных повсюду иллюзий – символических граблей, на которые человечеству свойственно наступать все эти тысячи лет... Снова и снова ощущаю на себе чей-то взгляд из «Угла». Взгляд колющий, с прищуром и укоризной. Так смотрит некто в час-пик в переполненном транспорте, когда ему наступили на мозоль. «Что мы понять успели? // Вечность? Любовь? Постели?» Автор старается не делать нам больно. Но голос его поэзии затрагивает давно молчащие струны. И они, просыпаясь, начинают звучать внутри нас. Сперва украдкой, несмело. Потом всё настойчивее, пока не достигают помпезных интонаций гимна. Или набата... «Этот мир – мой! // Я творец его, я же и страж. // На ладони моей – шар земной. // Ну, а я – ваш!» – предлагает нам сделку поэт...

Под ветрами с бескрайних полей пустоты, под холодными ливнями боли обид, под вьюгами развеянных грёз, стиснув зубы, поэт неустанно строит свой мир. Внутри него место есть только ему. Там живёт боль. Внутри этого мира нет места простой материи, примитиву. Автор не скрывает, что нуждается в нас, своих читателей. А что можем в ответ предложить ему мы? Свободные глаза и уши. Вот и вся любовь.

Да! Крик желает жить! Он прячется за
лодкой,
в уключинах сидит,
в баркасах (вдоль реки),
в разлитой на троих, холодной, жгучей водке.
Он: в дыме папирос, костра, где рыбаки,
ссутулившись стоят,
молчат
и ждут смиренно,
когда закат дожрёт последний шкварок льда
и обнажит река
течение, как вену,
и задрожит от звёзд вселенной пустота,
Крик остаётся жить. Он обретает звуки
усталых птичьих стай
голодных, как всегда.

Крик... Ну вот и всё. Занавес опускается. Но это – только начало. Ведь крик, зов души вполне может повториться, заявить о себе в новых сборниках. И будет жить. Пока живы те, кому он адресован. Усталые птичьи стаи Александра Слащёва облюбовали нашу с вами землю раз и навсегда. Перестая замечать суету вокруг. Ловлю ртом воздух. В мозгах звенит: «круги на воде // круги на воде...» В ожидании крика, пробую размышлять: на чём вырастает такое искусство? Откуда берёт исток? В наше время чистота и возвышенность литературы – чуть ли не моветон. А тут такое... Вместо крика, всё и вся обволакивает тревожная тишина. Вот-вот из открытого окна мама позовёт меня домой. Вот-вот скрипнут ставни, и...

Из-под вольницы нравов, хай-тека, политики, денег и прочего хлама выступает погну-
тый край той самой незабвенной карусели, прилетевшей из голодного послевоенного
детства. Чу! Это негромкое шуршание говорит о том, что карусель ещё вертится. И
пока душа поэта жива, способна говорить с нами, так будет всегда. Путешествие
вглубь собственного «я» и нарицательного «мы» продолжается. Сколько бы шлака,

порока не встречалось нам с вами на пути, по А.Слащёву, каждая следующая остановка — любовь... Условный знак – сердце. Главный генератор идей — оно же.

Речь листвы стопорится на слове
«Осень...»
(вторя ей, шевелятся губы).
Надвигается пустота с гулом.
Серый цвет, сопрев, переходит в чёрный.
Жизнь, идущая без отгула,
посылает всё к чёрту.

Не стоит пытаться незамеченным, инкогнито проникнуть на эту территорию. Под маской лукавства там нас никто не ждёт — интеллигентно намекает поэт. Наши привычные блага доступны с традиционных, христианских позиций. Изобретать велосипед не нужно. Хотя рецепты на все случаи жизни в книге прилагаются...

Если боль невозможно выкрикнуть,
лучше хранить молчание.
Потому что всем дано нечто – «Высшее»
то, что прячем стыдясь,
как ворованных денег...

А оно-то и есть
то Великое-Нищее,
с чем мы выйдем
на
тот
берег.

Пока мы сориентируемся в хаосе наших жизненных устремлений, приткие фантазии А. Слащёва, обогнув земной шар, сооружают брод, убежище в виде угла у нас за спиной. «Угол» на этом этапе выполняет миссию не конструктивную, но, скорее, гуманитарную. Неслучайны циклы: «Надписи в небе» и «Надписи на камне». Это жанровые фигуры, указывающие на цикличность жизни, на замкнутый круг вечного возвращения. Это геометрия мига человеческой судьбы, яркого и неповторимого, запечатлённая на языке вечных образов-символов и их современных интерпретаций. То, у чего просто не существовало внешнего облика до появления книги «Угол». Ибо не только и не столько с текстами сталкивается в ней читатель, сколько с происхождением (читай: архитектурой) души, тончайшей, чувствительнейшей из всех возможных вариаций души поэта. Это голос самой природы, распростертой над бездной вечного стремления к истокам; поиск тепла и покоя в плену у розы вселенских ветров. Здесь солнце одного человеческого рассудка меняет местами неподатливые полюса коллективного сознания. Здесь кончается хаос жизни и начинается космос её образного постижения. Эта поэзия никогда не постареет, в отличие от её творца. Это искусство неподвластно расстояниям, неуязвимо в пространстве. Потому что оно опередило своё время.

За образом этого поэта угадывается человек непростой судьбы и всё же идущий по жизни с высоко поднятой головой. Именно с поднятой, ибо не существует больше граблей, на которые есть риск наступить, не глядя себе под ноги. В его стихах слышен голос целого поколения, голос страны, которая могла бы и сейчас быть его колыбелью. Это единственная в мире книга о системе ценностей одного человека из двух ве-

ков, двух миров, двух стран, в которой так многозначительно зарифмованы слова «высшее» и «нищее»... Это книга о нас – прежних и будущих, о праведниках и оборотах, о любви и Боге. Написанная почти языком Бродского, почти на музыку Окуджавы, поэзия А.Слащёва есть гимн прекрасному, виртуозно исполненный самой жизнью... Это променад в мир фантазий и чувств по дороге ностальгического вдохновения прожитым и искренней озабоченности грядущим. В каждой строке, выходящей из-под пера Александра Васильевича, я отчётливо слышу неутихающий зов его души. С привычным энтузиазмом откликаюсь, спохватившись, куда-то бегу по жизни. И вдруг впопыхах, в тумане романтических грёз больно лбом ударяюсь об её угол...

2014

**Александр Васильевич
СЛАЩЁВ
(1954-2025)**